

¹⁹ За Родину (Семипалатинск). 1919. 14 сент.; Кислицин В.А. генерал. В огне гражданской войны. Харбин, 1936. С. 45–47.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 245. Л. 104 об.–105, 110 об.–111, 112 об.–113.

²¹ Правительственный вестник (Омск). 1919. 15, 19 авг.

²² ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 99. Л. 85.

²³ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028. Л. 3.

²⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1919. 10 дек.

²⁵ ГАТО. Ф. 198. Оп. 1. Д. 753. Л. 68–68 об.

²⁶ ГАТ. Ф. И-580. Оп. 1. Д. 1028, 56–58, 32–32 об.; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 365. Л. 92–92 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-190. Оп. 1. Д. 87. Л. 79.

²⁸ Там же. Л. 77 об.

²⁹ Там же. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 34. Л. 330.

³⁰ Лоусон Т. Хилл-мл. Американка в Сибири. Время гражданской войны в России в 1918–1919 гг. М. 2004. С. 268.

³¹ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. Иркутск, 1994. С. 366; ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 111. Л. 7–8; Д. 119. Л. 231–232 об., 419, 421; Свободный край (Иркутск). 1919. 10 авг.

³² Правительственный вестник. 1919. 22 авг.

³³ Там же. 1919. 6 нояб.

³⁴ Тобольский стрелок (Тобольск), 1919, 4 октября; Сибирская жизнь. 1919, 24 октября.

³⁵ Романов Н.С. Летопись города Иркутска... С. 368; Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск. Томск, 2000. С. 123, 255.

³⁶ Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 19 нояб.

³⁷ Енборисов Г.В. От Урала до Харбина: памятка о пережитом. Шанхай, 1932. С. 80–81.

³⁸ Сибирская жизнь. 1919. 11 дек.

М. Ю. Паско

К вопросу о времени возникновения номенклатурного учета управленческих кадров

Интерес к политической истории СССР, к истории системы власти, созданной после революций 1917 г., побуждает исследователей обращаться к проблемам политической элиты и номенклатуры. В последние годы эти проблемы изучаются все более интенсивно, растет количество публикаций, посвященных им, возникают даже специальные исследовательские институты, специализирующиеся на указанной проблематике. Вместе с тем, некоторые трудные для изучения аспекты темы остаются незаслуженно обделенными вниманием историков. Речь идет в первую очередь о возникновении и начальном этапе становления номенклатур-

ной системы в СССР. Данная проблема специально освещалась лишь в работе В.П. Пашина и Ю.П. Свириденко, вышедшей в 1995 г. ¹.

Недостаток исследований проблемы генезиса номенклатуры порождает путаницу в определении как самого понятия «номенклатура», так и хронологических границ применения этого понятия. Собственно, определение номенклатуры как перечня должностей, кандидатуры на которые рассматриваются, рекомендуются и утверждаются партийными комитетами, приведенное М.С. Восленским, в настоящее время является общепринятым ². Из этого определения следует, что номенклатура – это в первую очередь бюрократическая система учета управленческих кадров. Однако в определении далее указывается, что под номенклатурой следует также понимать людей, занимающих управленческие посты; следовательно, номенклатура – это еще и социальная группа, состоявшая из управленцев. Эта двойственность ключевого понятия – не единственная проблема.

Если исследовать номенклатуру только как бюрократическую систему учета управленческих кадров, необходимо определить ее специфику, т. е. то, чем номенклатурный учет отличается от обычной работы, проводимой отделами кадров организаций и предприятий. Первое отличие очевидно: при номенклатурном учете основой кадровой работы служили особые списки – номенклатуры управленческих должностей. Вторая специфическая черта номенклатурного учета состоит в том, что он централизованно осуществлялся партийными комитетами, от ЦК до райкомов: именно в партийных комитетах составлялись номенклатурные перечни должностей для всех ведомств и принимались решения о назначениях и смещениях управленцев, входивших в номенклатуру. Таким образом, номенклатурный учет являлся основой кадровой политики, проводившейся руководством советского государства и касавшейся всех отраслей управления – партийной, советской, хозяйственной и т. д.

Некоторые современные исследователи склонны считать, что эта политика проводилась с начала 1920-х гг. Так, А.Б. Коновалов пишет: «Становление органов советской власти в начале 1920-х годов неразрывно связано с формированием особого управленческого института, который уже тогда именовался номенклатурой» ³. Автор цитирует ряд циркуляров 1921–1923 гг., касавшихся учета ответственных работников, но совершенно не разъясняет ни того, основывался ли этот учет на централизованно составленных номенклатурах, ни того, насколько этот учет был внедрен в реальную повседневную практику кадровой работы. А.Б. Коновалов никак не обосновывает суждение о том, что уже в начале 1920-х гг., а именно в 1921–1922 гг., изучаемый им институт именовался номенклатурой. На наш взгляд, это не случайно.

Начало 1920-х гг. стало для новой власти временем испытания на прочность. Проблемы, которые следовало решить в кратчайшие сроки,

угрожали самому существованию большевистского режима. Набор этих проблем хорошо виден в информационных письмах Сибирского бюро ЦК РКП(б) 1921–1922 гг.; более того, в этих письмах проблемы распределены по степени важности. На первом месте всегда военные дела и борьба с политическими оппонентами: еще не окончена гражданская война, на Дальнем Востоке действуют остатки белых армий, по всей Сибири функционируют подпольные антибольшевистские организации и т. д. Сюда же относится борьба с бандитизмом, как белым, так и красным. Далее – продовольственная проблема, первые кампании по сбору продналога. Затем – состояние промышленности и транспорта, разрушенных войной. Наконец, в завершающем разделе информационных писем, «Партийная жизнь», речь идет о расширении сети партийных организаций Сибири, распространении влияния партии на деревню и т. п.⁴. Легко заметить, что на фоне перечисленных проблем задача построения системы бюрократического учета управленцев никак не выглядит первостепенной.

Впрочем, в информационных письмах Сиббюро изредка встречаются обращения к кадровым вопросам. Так, в Информационно-политическом письме № 3 (январь 1922 г.) содержится следующий пассаж: «И наконец, последний вопрос, на котором следует остановиться – это вопрос о принявшем в некоторых местах массовые размеры увольнении из учреждений коммунистов за сокращением штатов. Считаюсь с опасностью оголения [sic! – М.П.] наших учреждений и предприятий от коммунистического влияния, Сиббюро ЦК РКП(б) дало сибирским учреждениям и губкомам директиву увольнять коммунистов по причине сокращения штатов лишь в случаях крайней необходимости и делать это лишь по соглашению с губкомами»⁵. Как видно, прямого отношения к учету управленцев это указание не имеет; заметим лишь, что через несколько лет проблему укрепления «партийной прослойки» в руководстве учреждений и предприятий будут решать именно при помощи номенклатурного учета.

Единственное упоминание об учете ответработников содержится в документе, прилагавшемся к информационным письмам Сиббюро – Обзоре-сводке общего положения и жизни парторганизаций Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний (лето 1921 г.): «Отчет ответработников перед всей партийной массой всюду вошел уже в систему, регулярно на общих собраниях заведующие организационными отделами [партийных комитетов] и другие ответработники делают доклады. Учет работы партработников в некоторых местах ... проводится по инструкции о едином партбилете»⁶. Оставив на совести составителей сводки декларативное утверждение о систематических отчетах ответработников перед партийной массой, заметим, что дело учета управленцев не продвинулось далее использования инструкции о едином партбилете, причем не повсеместно и лишь в отношении партийных функционеров.

Работа с управленческими кадрами получает статус одной из приоритетных проблем государственного строительства лишь на XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) по вопросу об учете и распределении работников государственных и хозяйственных органов, положившее начало номенклатурной системе, вышло 12 ноября 1923 г.⁷. Именно с этого времени можно говорить о номенклатурном учете как о государственной политике в отношении управленческих кадров. Однако внедрение системы номенклатурного учета функционеров в практику повседневного администрирования отнюдь не было быстрым. Так, затянулась разработка типовых проектов номенклатур различного уровня: проект номенклатуры губернского партийного комитета был прислан в Сибирский краевой комитет РКП(б) – ВКП(б) (Сибкрайком) в феврале 1925 г. Типовые окружные и районные номенклатуры были разработаны ЦК лишь в середине 1926 г.⁸.

Еще одно обстоятельство, задержавшее введение в действие номенклатурной системы – реформа административно-территориального деления страны, так называемое районирование. Реформа состояла в отмене дореволюционной системы административно-территориального деления (губернии, уезды, волости) и переходе к новой (области, округа, районы). Первый этап районирования, образование укрупненных волостей – районов, начался в Сибири в 1924 г.; второй этап, упразднение губерний и образование Сибирского края, разделенного на округа, – в 1925 г. Вновь образуемые округа, как правило, не соответствовали прежним губерниям, структура подчинения региональных ведомств менялась. В этих условиях не было смысла составлять номенклатуры, например, губернских партийных комитетов, так как и губернии, и губкомы партии в скором времени должны были быть упразднены.

Вопрос о том, с какого времени номенклатурный учет действительно становится элементом повседневной управленческой практики, в настоящее время остается открытым. Однако в источниках имеются указания на то, что в конце 1920-х гг. партийное руководство страны было недовольно недостаточно быстрыми темпами внедрения этой системы. Так, 18 января 1927 г. Организационное бюро ЦК ВКП(б) на своем заседании обсуждало вопрос о состоянии учетно-распределительной работы на местах. В докладной записке, подготовленной к этому заседанию организационно-распределительным отделом ЦК, констатировалось: «Разработка номенклатур и переход на номенклатурное распределение на местах затянулись. Широкого применения в практике распределительной работы [номенклатуры] еще не получили. ...Учетно-распределительные отделы до сих пор загружены не номенклатурным распределением. Многие парткомы к введению новой системы организованного распределения отнеслись как к очередному техническому улуч-

шению, [касающемуся] главным образом учетной работы»⁹. Показательно, что в 1927 г. в организационно-распределительном отделе ЦК номенклатурную систему еще считали новой.

В заключение отметим, что отсчет времени существования номенклатуры от большевистской революции 1917 г. или от начала 1920-х гг. является, на наш взгляд, неоправданным допущением. На материалах Сибири хорошо видно, что номенклатурный учет управленцев, ставший со временем основой кадровой политики советского государства, вводится в практику администрирования партийных органов лишь во второй половине 1920-х годов. До этого новая власть вынуждена была решать гораздо более серьезные, угрожающие проблемы.

¹ Свириденко Ю.П., Пашин В.П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание. М., 1995.

² Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 13.

³ Коновалов А.Б. К вопросу о технологии работы с номенклатурными кадрами РКП(б) в сибирской провинции начала 20-х годов // Общество и власть: Кузбасс в составе Томской губернии (1804–1925 гг.). Материалы научной конференции, посвященной 200-летию со дня образования Томской губернии. Кемерово, 2004. С. 115.

⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 83. Л. 8–20, 31–52. Там же. Д. 84. Л. 1–74.

⁵ Там же. Д. 84. Л. 21.

⁶ Там же. Д. 83. Л. 28 об.

⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 68. Д. 446. Л. 28–31.

⁸ Там же. Оп. 69. Д. 140. Л. 17, 165.

⁹ Там же. Л. 15–16.

Е. Н. Грекова

Окружное судопроизводство в Сибирском крае (1925–1930-е годы)

Проблемы советского судопроизводства нашли отражение в целом ряде трудов отечественных исследователей. Становлению судебной системы в РСФСР и особенностям судопроизводства посвящены научные исследования Д.С. Кареева и С.А. Голунского¹, а также М.В. Кожевникова². Региональные аспекты проблемы раскрываются в труде Л.И. Боженко «Соотношение классовых групп и классовой борьбы в Сибирской деревне (конец 1917–1927 годы)»³. Несмотря на то, что тематика работы напрямую не связана с историей окружной судебной системы, в ней можно найти количественные данные по отдельным видам преступлений в крестьянской среде, описание некоторых показательных судов.

Освобождение от советских идеологических штампов привело к тому, что литература постсоветского периода излагает особенности становления судопроизводства, судебную практику и причины противоречий в судопроизводстве с совсем иной позиции. В книге А.П. Угроватова анализируются особенности и противоречия становления и укрепления законности в 1920-е гг.⁴. В другой своей работе автор определяет проблему специфики проведения советской политики и реакции на данную политику различных слоев населения, затрагивает особенность судебной деятельности в Сибири, приводит статистические данные по контрреволюционной преступности⁵. В диссертационном исследовании Ж.А. Рожневой⁶ освещается политическое состояние Сибири и противоречия народных масс, связанные с данной политикой, выделяются основные политико-судебные процессы, даются сведения о характере влияния партийных организаций на судебную систему и определяется особенность структуры судов.

Нельзя не отметить фундаментальное исследование западного историка Питера Соломона⁷, в котором сделана попытка проанализировать как теоретические основы, на которых строилась судебная система Советского государства, так и формы реализации уголовной политики в 1920-е гг., показан характер взаимоотношений между партийными и судебно-следственными органами и использование судов в осуществлении репрессий государством.

Подводя итог историографическому обзору, следует отметить, что данная тема изучена далеко не полно. Проведенные отечественными и зарубежными историками исследования раскрывают особенности судопроизводства РСФСР в целом, дают представления о наиболее известных процессах, влиянии власти на деятельность судов. В то же время проблема становления и развития окружного судопроизводства в Сибирском крае во второй половине 1920-х гг., особенности окружного судопроизводства, изучение судебных процессов на региональном уровне, их роль и место в общем судопроизводстве остаются пока слабо изученными. Задача данной работы – показать условия появления, основные черты судебной практики и причины ликвидации окружного судопроизводства в Сибирском крае в период с 1925 по 1930 г.

Для решения данной задачи немаловажную роль сыграли опубликованные источники. Прежде всего это законодательно-нормативные акты, к которым относятся УК РСФСР, Собрание узаконений и постановлений Рабоче-крестьянского правительства⁸. Также это специальный юридический журнал «Еженедельник советской юстиции», местные газеты, выходившие в основных административных центрах Западной Сибири («Красное знамя», «Советская Сибирь», «Красный Алтай», «Рабочий путь»), и справочник по административно-территориальному делению Сибири⁹.